

Ксения Кончаревич
Белградский университет
Филологический факультет
(Белград, Сербия)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО СЕРБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА САКРАЛЬНОГО*

1. 1. В связи с проблемой богослужебного языка Сербской Православной Церкви написано немало работ¹. В жанровом отношении эти тексты разнообразны – есть среди них официальные заявления, прошения, постановления, популярные газетные и журнальные статьи, заметки, комментарии, а также серьезные научные труды. На основании подхода к рассматриваемой проблематике их можно разделить на работы, в которых проблематика богослужебного языка анализируется в контексте усилий, направленных на повышение уровня церковно-приходской жизни и на активизацию участия мирян в богослужении, потом работы, которые данный вопрос связывают с более широким политическим, историческим и культурным контекстом, и, наконец, работы, ограничивающиеся преимущественно филологическим аспектом данного вопроса. Тексты о богослужебном языке публиковались на страницах официальных органов Церкви, в богословской и культурно-политической периодике, в монографиях и брошюрах.

1. 2. Актуализация проблемы богослужебного языка всегда теснейшим образом соотносилась с политическими и культурными обстоятельствами, со взглядами, преобладающими в общественном мнении (особенно по вопросам о национальном пробуждении и об отношении к России как «освободительнице славян», где настроения

* Работа выполнена в рамках проекта Православного богословского факультета БГУ „Сербская теология в XXI в.: фундаментальные предпосылки богословских дисциплин в европейском контексте – историческая и современная перспективы“, реализующегося при поддержке Министерства просвещения и науки Республики Сербии (Грант № 179078).

¹ В двухтомной библиографии протоиерея Б. Цисаржа *Један век периодичне штампе СПЦ (1869-1969)*, Београд 1971, мы находим почти 100 работ, так или иначе связанных с интересующей нас проблемой.

колебались от русофилии и даже русомании до разочарования и подчеркнутого дистанцирования), а также с тенденциями в церковной жизни (процветание или упадок духовности, положительное или отрицательное отношение к церковным реформам, в частности, к идеям литургического обновления). Так, инициативы, направленные на замену русско-славянского языка сербско-славянским или сербским литературным языком в православном богослужении отнюдь не случайно выдвигаются сначала на территории Карловацкой митрополии, в конце 60-х и начале 70-х годов XIX столетия: несомненно, такие явления, как разочарование вследствие потери автономии Сербской Воеводины, усиление борьбы за церковную и просветительную автономию, конфликты представителей народа, собранных вокруг С. Милетича и Й. Суботича с приверженцами патриарха С. Маширевича и высшей церковной иерархией в связи с вопросом об участии мирян в управлении жизнью Церкви (Слијепчевић 1991, 168-196), рост неприязни к русским после подавления польского восстания 1863 г. и, не на последнем месте, воздействие духовных, культурных, политических и общественных стремлений, появившихся на Западе, не могли не сказаться на взглядах карловацких клириков и мирян на многие вопросы жизни Церкви, в том числе и на выбор богослужебного языка. В Сербии проблема богослужебного языка актуализируется в конце 80-х годов XIX века, в атмосфере национального подъема после получения полной автокефалии Сербской Церкви в Сербии (1879), но вместе с тем и в атмосфере церковного кризиса, вызванного конфликтами между славянофильски настроенным митрополитом М. Йовановичем и тогдашним «прогрессистским» правительством, ориентированным к Австро-Венгрии, что закончилось свержением митрополита и неканоническим, нелегальным установлением «новой иерархии», лояльной властям, которая будет управлять Церковью с 1883 по 1889 (Слијепчевић 1991, 312-324, 381-415). Поэтому не удивительно то, что инициативу о замене богослужебного языка (о возврате к сербской редакции старославянского языка) выдвигает тогдашний министр просвещения и церковных дел М. Куянджич в открытом письме архиепископу белградскому, митрополиту Сербии Ф. Мраовичу (Кујунџић 1887, 418-419), выступая за проведение широкомасштабных реформ в Церкви, рассчитанных прежде всего на подчеркивание национального элемента (так, Куянджич предлагает повторно критически рассмотреть празднование святых, просиявших в других Поместных Церквях и особое значение придать национальным святым). Церковнославянский язык русской редакции министр, не без влияния тогдашнего отрицательного настроения Правительства к России, старается в кратчайшие сроки вытеснить из богослужебного употребления, предлагая и не-

которые ограничительные меры – запрет пользования богослужебными книгами на церковнославянском языке русской редакции и их распространения. Инициатива министра вызвала живые отклики в церковной и культурной общественности; начинаются бурные полемики за и против сербско-славянского богослужебного языка, причем идеи о введении современного литературного языка в богослужение в Сербии, в отличие от Воеводины, появятся значительно позднее.

1. 3. Начало XX века характеризуется некоторым спадом интереса к данной проблематике. Однако в этот период клирики и верующие предпринимают первые конкретные шаги, рассчитанные на «сербизацию» богослужения, а церковная иерархия принимает первые положительные решения по данному вопросу (постановления о введении сербского языка в Тимишоарской епархии Карловацкой митрополии 1905 и 1906 гг., постановление Священного Собора Сербской Церкви в Сербии о принципиальной допустимости совершения богослужений на сербском языке 1903 г.) (Чонић 1927, 292; Грданички 1963, 263). Новый импульс к его оживлению дали изменившиеся условия деятельности объединенной СПЦ (1920) в новом государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Третье и четвертое десятилетия XX века характеризовались, с одной стороны, процветанием духовной жизни, оживлением монашества, размахом деятельности православных братств под руководством свят. Н. Велимировича, внедрением идей литургического движения в богослужебную жизнь Сербской Церкви, открытием Богословского факультета, небывалым подъемом сербской богословской мысли, появлением множества духовных и научно-богословских журналов, и с другой, возникновением острых проблем между государством и Церковью. Идеология югославянства, в свою очередь, также наложила свой отпечаток на проблематику богослужебного языка, что легко заметно, к примеру, в брошюре Д. Катича (Катич 1921, 7-19). В данный период в периодических публикациях появилось множество статей на тему богослужебного языка, интерес к которой проявили также авторы монографических трудов о литургических и церковных реформах (см. Кончаревић 2006, 291-306). Тогда же публикуются и первые переводы церковных служб на сербский язык (И. Попович, Л. Миркович, И. Чирич и др.), вносятся изменения в богослужебную практику.

1. 4. В период после Второй мировой войны и победы социалистической революции данный вопрос актуализируется, начиная с 60-х годов, когда начинается консолидация Церкви после тяжких ударов, нанесенных ей в кампании агрессивной атеизации и денационализации общества, и когда прилагаются интенсивные усилия к оживлению духовной жизни (рост издательской деятельности СПЦ, подъем богословского

образования и т. д.). Принимаются первые конкретные решения высших законодательных органов Церкви о возможностях и ограничениях во введении современного сербского литературного языка в богослужебную практику. Претворение их в жизнь было обеспечено предварительной работой над переводом обширного корпуса богослужебных текстов с церковнославянского и греческого языков.

2. 1. Особого внимания заслуживает факт, что высшие органы Сербской Православной Церкви никогда не выступали за радикальные решения, то есть не одобряли полного перехода на сербский язык и выведения церковнославянского из употребления; вместе с тем, им была несвойственна и позиция об исключительности и обязательности церковнославянского богослужения. Доклады митрополита Д. Грданичкого Священному Синоду и Архиерейскому Собору (1963 г.) и соответствующее распоряжение Синода (1964 г.) предлагают весьма умеренные решения для частичного и поэтапного введения в богослужебное употребление сербского языка. Сегодня сербские священники пользуются полной свободой выбора богослужебного языка, так что в некоторых храмах текст молитвословий произносится на сербском, а за клиросом поют по-славянски, в других слышится только славянский, в третьих текст молитв произносится попеременно на обоих языках под церковнославянское пение, в четвертых пытаются и петь по-сербски (для многих песнопений, преимущественно из Миней и Октоиха, все еще не существует переводов на современный язык). Предпочтение того или иного решения во многом обуславливается конкретными условиями, т. е. зависит от специфических местных особенностей и характеристик среды: так, в диаспоре и в местах с многонациональным составом населения служат преимущественно по-сербски, в духовных школах и в монастырях – преимущественно по-славянски. Выбор языка зависит и от характеристик конкретной структурной части богослужения: элементы с ярко выраженной дидактической функцией – апостольское и евангельское чтение, а также совместные моления – произносятся преимущественно на сербском языке, тогда как элементы с функцией величания, возношения хвалы – антифоны, изобразительные псалмы, тропари, кондаки, богослужебные гимны – главным образом остаются на церковнославянском языке.

2. 2. Древнейшее свидетельство присутствия сербского языка в богослужении мы находим у видного филолога и государственного деятеля С. Новаковича, который вспоминает, что еще в 1865 г. еп. Г. Попович предлагал ему перевести церковные книги на сербский язык, и что он приказывал читать Евангелие в переводе В. С. Караджича – шаг, который в те времена считался смелым и рискованным (Новаковић 1889, 88). Из

материалов печати мы узнаем, что еще с 1916 г. в Вершацкой епархии на народном языке читают молитвы перед причастием и после причастия и поют *Херувимскую песнь*, что в г. Бечкерек и Нови Сад в 1925 г. на нем читали молитвы в день Пятидесятницы, что в Орловате песнопения воскресного канона уже годами регулярно исполняют также по-сербски, в удачном переводе С. Качанского, и что в храмах Белграда, Сербии и Боснии уже давно молитвы перед причащением произносят на живом народном языке (Чонић 1927, 291-292). П. Трбоевич, игумен Шишатовацкого монастыря, оставил свидетельство о том, что многие верующие просили его читать по-сербски Символ веры, Молитву Господню, *Сподоби, Господи, Свете тихий* и некоторые иные молитвы, текст которых в переводе на сербский они уже записали в своих блокнотах (Трбојевић 1931, 25). Д. Грданичкий знакомит читателя с тем, что на сербском языке в период между двумя войнами уже служили некоторые видные архиереи – Г. Змеянович, Г. Летич и И. Чирич, и что сам патриарх В. Росич иногда вводил сербский язык в богослужение. Во многих храмах по-сербски служили литургию в Великий Четверток и в праздник Пасхи Господней (Грданички 1963, 264). Немаловажен и тот факт, что Велимирович, причисленный в 2003 г. к лику святых, писал духовные стихи, предназначенные для богослужебного исполнения (в качестве паралитургических песен), именно на народном языке.

3. 0. Основой введения сербского языка в богослужение явилась десятилетиями продолжавшаяся работа над переводами богослужебных книг.

3. 1. Хронологически первые переводы богослужебных текстов на современный сербский язык принадлежат перу Чирича (1884-1955). Выпускник Московской Духовной Академии, защитивший докторскую диссертацию в Венском университете, Чирич до принятия монашеского пострига работал некоторое время в библиотеке Карловацкой Патриархии, а потом был доцентом, экстраординарным и ординарным профессором Карловацкой Духовной Семинарии. Помимо глубоких и всесторонних богословских знаний, его отличала и блестящая филологическая компетенция – владел он древнееврейским, греческим, латинским, французским, русским, немецким и венгерским языками. Переводы богослужебных текстов он начал публиковать еще в 1907 г. в журнале *Богословски гласник (Богословский вестник)*, на страницах которого в течение двух лет он опубликовал переводы 43 псалмов, произносимых в суточном круге богослужений. С 1909 г. он работает над переводами паримий, тропарей, стихир и полных служб Мясопустной недели Пятидесятницы (опубликовал 38 переводов). Из числа его коротких переводов, появившихся в отечественной церковной периодике, следует упо-

мянуть и девять молитвословий, опубликованных с 1922 по 1943 год, а также переводы 50 стихир, ирмосов, тропарей, кондаков и эксапостилариев, поемых в рамках седмичного богослужебного круга (1936-1942). Чирич заслужен в появлении первых переводных богослужебных книг на сербском языке: *Вечерње молитве*. Нови Сад, 1922 (в книге содержатся девятый час, вечерня, малое и великое повечерие); *Служба Месопусне недеље*. Сремски Карловци, 1925; *Вечерња служба у Недељу свете Педесетнице*. Нови Сад, 1928. Важнейшим переводческим трудом Чирича, бесспорно, является книга *Недеља свете Педесетнице. Празничне службе*. Ујвидек, 1942., в которой содержатся все чинопоследования и неизменяемые части следующих служб: час девятый; последование малой вечерни; последование великой (праздничной) вечерни; малое повечерие; полунощница воскресная; последование праздничной утрени; час первый, третий, шестой; последование изобразительных и Литургии по типикону Константинопольской Церкви (*Ред Божанствене и свештене Литургије, онаки као што је у Великој Цркви и у Светој Гори Атонској*, с. 273-240). Благодаря этому переводу сербские священнослужители получили возможность совершать на современном языке все службы суточного богослужебного круга, праздничное всенощное бдение и Златоустову Литургию. Впоследствии, уже задолго по смерти Святителя (в 1972 году), был опубликован и его перевод Архиерейской Литургии с примечаниями епископа Расского и Призренского (с 1990 г. – патриарха Сербского) г. Павла (полный библиографический обзор переводов Чирича см. в.: Убипариповић 2010, 111-124). Напомним, что все свои переводы епископ Ириней снабжал филологическими и литургическими комментариями.

3. 2. К первым переводам богослужебных текстов на сербский язык принадлежит и весьма удачный *Акатист Пресветој Богородици* (Сремски Карловци, 1918) – труд ученого священника Л. Мирковича, литургиста и искусствоведа, сформировавшегося в русле карловацкой традиции.

3. 3. Ведущее место среди переводчиков богослужебных текстов на сербский язык, и по объему, и по качеству проделанной работы, занимает виднейший сербский богослов И. Попович. Свою переводческую деятельность (а переводил он и святоотеческие творения, агиографии, монашеские уставы и т. п.) Попович начинает с первого в сербской среде интегрального перевода Литургии св. Иоанна Златоуста (Белград, 1922), за которым последовали и другие богослужебные книги: *Велики требник* (1958, машинопись, которая распространялась по монастырям и приходам, вплоть до печатной публикации 1993 г.); *Служебник на српском језику*. Манастир Крка 1967 (машинопись - перевод был сделан еще в 1922. г.); *Божанствене Литургије*. Београд, 1978; *Мали*

молитвеник. Вальево, 1982; *Молитвеник – Каноник*. Вальево, 1991. Попович перевел также целый ряд акафистов, канонов и молитв (так, афатисты в его переводе объединены в кн. 5 *Полного собрания сочинений*, Белград, 1999).

О методологическом подходе Поповича и его взглядах на проблему перевода богослужебного текста существенные выводы можно сделать и на основании его послесловия к сборнику *Божанствена Литургије* (1978), где, между прочим, подчеркивается:

«литургический язык – всегда язык евангельский, псаломский, молитвенный, вдохновленный Духом Святым, язык богослужения и восславления Бога, которым освящается и посвящается и народный язык. [...] Да, живой народный язык освящается богослужебным, литургическим употреблением» (Поповић 1978, 227).

При работе над переводами он, как вытекает из *Послесловия*, учитывал и древнее литургическое предание, и «современную соборную вселенскую практику православных Церквей» (Поповић 1978, 228). В диахроническом подходе он опирался на рукописные служебники – русские и сербские, в доступных ему научных изданиях древних литургических рукописей, а также на печатные служебники, преимущественно сербские (например, известный *Служабник* Б. Вуковича). При работе над переводами, в целях раскрытия «древнего литургического предания», Попович консультировал и святоотеческие толкования. Сегодняшнюю практику поместных Церквей он рассматривал на основании современных служебников, опираясь, между прочим, и на переводы богослужебных текстов на новогреческий, русский, болгарский, немецкий языки. Следует подчеркнуть, что перевод Златоустовой Литургии, выполненный Поповичем в 1978, отличается от перевода 1922 г., главным образом характером литургических правок (о методологии подхода к оригиналу в двух версиях перевода подробнее см. Вукашиновић 2012, 119-130).

3. 4. В период между двумя мировыми войнами появляются и популярные издания для школьников и прихожан с параллельным церковнославянским и сербским текстом (напр. Ж. М. Маринковић, *Божанствена Литургија св. Јована Златоустог: са преводом, објашњењима и упутством за црквенословенско читање. За школску употребу и народ*. Београд, 1929).

3. 5. С 70-х годов и в последующие десятилетия свои переводы, по благословению священноначалия СПЦ, публикуют Д. Давидович (*Паримије које се читају у току Великог поста на пређеосвећеним Литургијама*. Београд, 1975), Э. Чарнич (*Чин*

свештене и божанствене Литургије св. Јована Златоуста. Диселдорф, 1976; *Псалтир*. Крагујевац, 1977; *Паримије*. Краљево, 1980; *Апостол (за недеље и празнике)*. Вршац, 1981; *Требник*. Крагујевац, 1983; *Велики канон св. Андрије Критског*. Крагујевац, 1984. и *Часослов*. Крагујевац, 1986), М. Матеич (*Божанствена Литургија светог апостола Јакова брата Божијег и првог епископа јерусалимског*. Вршац, 1992), еп. Х. Столич (*Литургија Пређеосвећених Дарова светог апостола Јакова брата Божијег*. Вршац, 1996. Књ. 1: среда четврте недеље Великог поста; Књ. 2: Велики понедељак; Књ. 3: Велики уторак; Књ. 4: Велика среда; *Божанска Литургија светог апостола Марка*. Вршац, 1998; *Литургија Апостолских установа*. Краљево, 2006.), еп. А. Радосавлевич (*Велики канон св. Андрије Критског*. Ваљево, 1984; *Посни триод. Света велика седмица – страсна*. Косовска Грачаница, 2008) и еп. А. Евтич (*Псалтир са девет библијских песама*. Врњачка Бања, 2000; *Паримејник*. Требиње – Врњачка Бања, 2000; *Часослов*. Београд, 2007 (книга останетa в употреблении до појавлениа текста официалногo перевода Синодальной Комиссии); *Божанствена Литургија светог апостола Јакова брата Божијег и првог епископа јерусалимског* (Београд – Требиње 2007). Наиболее широкую распространенность получили синодальные издания переводов богослужебных книг, такие, как: *Еванђеље на српском језику за богослужбену употребу*. Земун, 1977; *Служебник*. Превод Комисије САС СПЦ. Београд, 1986; *Служебник*. Превод Комисије САС СПЦ. Београд, 1998; *Служебник*. Превод Комисије САС СПЦ. Београд, 2007; *Свештена књига Апостол. Текстови апостолских читања* – превод Комисије САС СПЦ; превод прокимена и стихова – еп. А. Јевтић. Београд, 2011). Следует также подчеркнуть исключительный вклад епископа Х. Столича в дело редактирования и издания богослужебных книг на сербском языке: *Апостол – како се чита свакога дана по седмицама*. Краљево, 2003; *Свето Јеванђеље – како се чита сваког дана по седмицама*. Врутци, 2005; *Жички и Студенички минеј: септембар – август. Т. 1-12*. Краљево, 2006. (в церковнославянский текст минеи включены и отдельные службы на сербском языке).

4. 1. Отметим и факт, что параллельное употребление нескольких версий перевода одной и той же богослужебной книги создает иногда недоумения среди священнослужителей и верующих. Проиллюстрируем это несколькими примерами, сначала из текста Божественной Литургии. В зависимости от используемого перевода, Златоустова Литургия начинается по-разному:

Попович 1978: „Благослови, Владико. У миру Господу се помолимо. Господе, помилуј. Помињући Пресвету...”

Чирич 1942: „Благослови, Господару. У миру се помолимо. Господи, помилуј. Сетимо се Пресвете...“

Чарнич 1976: „Благослови, Владико. У миру помолимо се Господу. Господе, помилуј. Поменувши Пресвету...“

Божественная Литургия 1986: „Благослови, Владико. У миру Господу се помолимо. Господе, помилуј. Поменувши Пресвету...“

Как мы видим, в этом кратком сегменте заметны различия в выборе переводных эквивалентов ключевых греческих лексем (а тем самым и различия в дополнительных коннотациях – *Владика / Владар / Господар; помиловати / смилувати се*), в порядке слов, в отсутствии или наличии церковнославянских элементов в предложенных переводах.

Начало сугубой ектении в трех переводах (Поповича, Чирича и Синодальном) совпадает: „Помилуј нас, Боже, по великој милости Својој, молимо Ти се, услиши и помилуј. Господе, помилуј!“, но у Чарнича мы находим такой перевод: „Смилуј се на нас, Боже, по великој милости Својој, молимо Ти се, услиши и смилуј се. Господе, смилуј се!“ В возгласе после сугубой ектении встречается ряд переводческих решений:

Попович 1978: „Јер си милостив и човекољубив Бог и Теби славу уносимо, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у векове векова“.

Чирич 1942: „Јер милостив и човекољубац Бог јеси, и теби славу шаљемо, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у векове векова“.

Чарнич 1976: „Јер си Ти милостив Бог, који воли човека, и Теби уносимо славу, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у све векове“.

Божественная Литургия 1986: „Јер си милостив и човекољубив Бог, и Теби славу уносимо, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у векове векова“.

Помимо варьирования порядка слов, выбора лексических эквивалентов, выраженности влияния привычного церковнославянского текста (в наибольшей степени это влияние заметно у Чирича, как и в предыдущем случае), здесь особое внимание привлекает словосочетание „Бог који воли човека“ у Чарнича (описательный перевод), в отличие от гораздо более удачных решений – прилагательного *човекољубив* (Попович и Синодальный перевод) или существительного *Човекољубац* (Чирич). Описательный перевод в данном случае не только немотивирован, поскольку, как мы видели, в сербском имеются адекватные эквиваленты (впрочем, сам Чарнич в некоторых других местах – молитва первого антифона на Литургии, Чинопоследование Крещения – предла-

гает эквиваленты, существующие в современном сербском языке: *човекољубац*, *човекољубље*), но и неудачен с аспекта ритмико-мелодической организации текста.

На основании сравнительного анализа четырех упомянутых переводов Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста, А. Радосавлевич пришел к выводу, что и от греческого подлинника, и от церковнославянского текста, и от других сербских переводов больше всего отличается перевод Чарнича, тогда как Синодальный перевод в основном опирается на перевод Поповича, что является дополнительным подтверждением его качеств – богословских, лингвистических и эстетических (Радосавлевич 1987, 107-116).

4. 2. И другие тексты, существующие в двух или нескольких переводах, вызывают смущение среди священства и верующих, особенно в наиболее частотных молитвах. Проиллюстрируем сказанное примерами из *Часослова*:

Первый Троичный тропарь в утреннем молитвенном правиле у Поповича гласит так: „Уставши од сна, падамо пред Тобом, Благи, и уносимо Ти анђелску песму, Моћни: Свет си, Свет, Свет, Боже, помилуј нас Богородицом“ (Попович 1982, 6), у Чарнича же читаем: „Уставши од сна, обраћамо се Теби, Благи, и анђеоску песму певамо Ти, Силни: Свет, Свет, Свет си, Боже, посредством Богородице смилуј се на нас“ (Чарнич 1986, 7). Перевод Чарнича включает лексемы и словосочетания, стилистически не подходящие к сакральному тексту, имеющие административно-деловой оттенок: „обраћамо се Теби, посредством Богородице“; к тому же, очевидна неадекватность глагола *обраћати се* греческому *Προσπίπτοιέν Σοι...* – серб. *падати (ничице) пред ким*.

Вводная формула перед 50-м псалмом у Чарнича звучит так: „Приђите да се поклонимо и паднемо ничице цару, Богу нашему. Приђите да се поклонимо и паднемо ничице Христу, цару нашему и Богу. Приђите да се поклонимо и паднемо ничице Њему, Христу, цару и Богу нашему“ (Чарнич 1986, 9). Здесь выбран подходящий эквивалент - *падати (ничице)*, но с сочетаемостью, не свойственной современному сербскому языку (буквально воспроизводится церковнославянское словосочетание *припадeм ко Христу*, вместо естественного для сербского языка *да паднемо ничице пред Христом*). У Поповича перевод отличается и смысловой и динамической эквивалентностью: „Ходите, поклонимо се и припаднимо цару нашем Богу. Ходите, поклонимо се и припаднимо Христу, цару нашем Богу. Ходите, поклонимо се и припаднимо Самоме Христу, цару и Богу нашем“ (Попович 1982, 7-8).

Хорошо известная Великопостная молитва св. Ефрема Сирина также получила неодинаковые переводческие интерпретации. У Поповича читаем: „Господе и Владару живота мога, дух лењости, мрзовоље, властољубља и празнословља не дај ми. Дух здравоумља, смиреноумља, трпљења и љубави даруј ми, служи своме. О, Господе Царе, дај ми да будем свестан грехова својих и да не осуђујем брата свога, јер си благословен кроза све векове. Амин.“ (Попович 1982, 17). Чарнич предлагает следующий текст: „Господе и Господару мога живота, немој ми дати духа лењости, љубопитства, властољубља и празног разговора. Даруј ми, своме служитељу, дух чедности, смерности, стрпљења и љубави. Да, Господе Царе, дај ми да видим своје грешке, а да не осуђујем свога брата, јер си благословен у све векове. Амин.“ (Чарнич 1986, 16). Попович лишь в одном месте предлагает синтагматическую трансформацию - *дај ми да будем свестан грехова својих*, имея в виду, что на сербском *гледати грехове своје* звучит крайне неестественно и буквально (можно было бы предложить альтернативное решение - *дај ми да увиђам грехове своје*, причем серб. *увиђати* имеет значение 'осознавать', соответственно, подразумевает и покаянное настроение). Для греческого слова Δεσπότης Чарнич предлагает эквивалент *Господар*, очевидно, под влиянием переводов Чирича (другими переводчиками во всех контекстах предпочитают обращения *Владару* или *Владико*, устраняющие ассоциирование в сознании носителей сербского языка с общественно-экономическими отношениями в эпоху робовладельческого строя), но с другой стороны, по той же причине вместо *служи Твоме* предлагает более нейтральное *служитељу Твоме* (хотя в переводе Чинопоследования Крещения Чарнич оставляет церковнославянизм: *стављам руку своју на раба твога*). Подобные расхождения в текстах имеющих переводов говорят о необходимости их критического пересмотра и унификации, лучше всего со стороны Синодальной комиссии (напомним, что официального Синодального перевода такой важной для богослужения книги, как Часослов, пока нет).

5. 1. В Сербской Церкви, как явствует из вышеизложенного, сделано очень многое для приближения литургического слова верующим. Разумеется, самым обеспечением переводов литургическое возрождение в сербском народе не заканчивается, но лишь начинается. Бесспорно, однако, и то, что традиционный богослужебный язык – церковнославянский – остается живым в богослужебном употреблении Церкви и в сознании верующих как один из существенных признаков их религиозной идентичности и преемственности сербской национальной культуры.

5. 2. Параллельное (и конкурентное) функционирование двух богослужебных языков в Сербской Церкви имеет свои положительные стороны (бóльшая понятность текста богослужения молящимся), но вместе с тем таит в себе и опасность стихийной маргинализации церковнославянского языка. Ведь в социолингвистике известно, что состояние параллельного употребления двух языков в большинстве случаев является переходным этапом к использованию лишь одного из них, причем язык, который считается более «сложным», как правило, заменяется более «легким». Критериями сложности являются удобство для произношения, слушания и понимания и языкового мышления (Бодуен де Куртене 1988, 89). По данным критериям сербский язык обладает несомненными преимуществами над церковнославянским, так что в перспективе вытеснение церковнославянского языка вполне возможно. К такому выводу склоняет нас, в свою очередь, и практика составления новых богослужебных текстов. Во второй половине XX века на церковнославянском языке были написаны лишь малочисленные службы и акафисты новопрославленным сербским святым, причем распространялись они, по благословению священноначалия, в переводах на современный язык: так, *Акатист свим светим Србима*, творение М. Павловича, перевел И. Попович (Поповић 1999, 379-393), *Службу и Акатист преподобном Рафаилу Банатском*, автором которых является С. Нинчич, перевел еп. А. Радович (Радовић 1989, 73-119). Новое литургическое творчество на сербском языке характеризуется живостью и открытостью плана выражения (в отличие от церковнославянских служб и чинов, нередко в ряде мест воспроизводящих уже имеющиеся в других сакральных текстах фразы и целые отрывки), а в некоторых случаях, парадоксально по отношению к нормативным отличиям поэтических молитвенных жанров, в них находят место диалектные и субстандартные явления и элементы (*Акатист светом Петру Цетињском Чудотворцу* П. Драгойловича, *Служба преподобној матери нашој Стефаниди Скадарској и Битольској новојављеној*, сочинение С. Бабич) (Драгојловић 1995; Бабич 2011, 95-135). В сербской среде на протяжении последних десятилетий появилось также немалое число коротких молитв, написанных на современном языке и включенных в молитвословы для ежедневного домашнего употребления. Поскольку такие молитвословы издаются большими тиражами, многие из этих молитв пользуются широкой популярностью среди верующих (главным образом речь идет о сочинениях Поповича и Велимировича). Отметим и то, что в творениях Велимировича находим лишь одно на (гибридном) церковнославянском языке - *Канон Пресвјатој Богородици Словесници* (Велимировић 1978, 761-766), тогда как другие его гимнографические сочинения выполнены на серб-

ском языке: *Канон мученицима, Канон страдању Христовом, Мали канон Богојављењу, Мали канон Пресветој Богородици Јављеници, Канон уз Часни пост, Љубостињски канон Богородици – Царици тишине, Акатист светој великомученици Варвари* (Велимировић 1978, 205-209, 162-166, 542-547, 550-552, 572-580, 730-734, 223-229), многочисленые покаянные, умилительные и антифонные тропари и стихиры к Господским, Богородичным и праздникам святых угодников Божиих (Велимировић 1978, 197-186), а также службы - *Крсни молебан Христу спасителу народа српског у време нашествија иноплеменика* и *Служба новомученицима српским, седамсто тисућа на број, пострадалим за веру православу и српско име од усташа у другом светском рату* (Велимировић 1978, 681-688, 689-713) (во всех этих текстах, правда, мы встречаемся с некоторыми элементами архаизации, главным образом с лексическими церковнославянскими).

6. 1. Каково отношение современного поколения верующих, после уже полувекового опыта параллельного функционирования сербского и церковнославянского языков в сербской среде, к их богослужебному использованию? В монографии Р. Баич представлены и прокомментированы результаты статистического опроса, проведенного среди верующих разных возрастных и профессиональных категорий из Сербии и Черногории, Сербской Республики и сербской диаспоры (Бајић 2997, 193-363). Вопросы в анкете были сформулированы именно с учетом аргументов, которые высказывались в дискуссиях XIX–XX века. Первый вопрос был призван выяснить, каково отношение верующих к полному пониманию текста богослужения, следовательно, какой аспект богослужения для них является более важным – информационный или эстетический. За первый из них высказались 49,4% опрошенных, за второй («молитва возможна и при неполном понимании») – 46,6%. Бóльшая адекватность для высказывания богословского содержания, по мнению верующих, присуща церковнославянскому языку (60,6%), оба языка обладают таким потенциалом в одинаковой степени, по мнению 32,8% респондентов, тогда как сербский язык предпочтительнее для 4,6%. Целые 73% предпочитают церковное пение на церковнославянском языке. И по критерию благозвучности церковнославянский язык пользуется большей популярностью среди верующих (84,4%). Подавляющее большинство опрошенных (91,6%) считают церковнославянский язык важным фактором сохранения традиции, национальной и религиозной идентичности сербского народа, а важность церковнославянского языка для сохранения единства православных славянских народов подчеркивает 63,2% респондентов. Для современного мышления тезис о святости языка, по-видимому, неприемлем (69,4% отвергают его),

но все же 26% опрошенных приписывает этот атрибут церковнославянскому языку (сербскому – 1%). Лишь 11,6% респондентов считают языковой вопрос незначительным для жизни Церкви (его важность признает 69,8%, а ключевую роль – 18% опрошенных). Важность языка для повышения уровня духовной жизни среди верующих признает 51%, а 34,2% ограничивают такую роль языка неофитской средой. А каково отношение современных верующих к свободе выбора богослужебного языка? Любопытно, что 37% опрошенных критически относятся к существующей практике, высказываясь за единообразие в данном плане, тогда как 59,8% считают ее допустимой. Лишь 11,2% респондентов соглашается с тезисом о том, что позиция сектантов лучше из-за их практики совершения богослужений исключительно на современном языке.

В процессе анкетирования выяснилось также, что церковнославянский язык «в достаточной степени» понятен 37,4% опрошенных, 50,8% понимают, но «в меньшей степени, чем сербский», а лишь 11,2% «сталкиваются с большими трудностями». К нему «полностью привыкли» 69,2% респондентов, «частично» – 26%, а лишь 4,2% «не привыкли». Какому языку сербские верующие отдают предпочтение? Большинство высказалось за комбинированные богослужения (57,8%), 20,8% за церковнославянский и 20% за сербский. О перспективе двух богослужебных языков мнения следующие: подавляющее большинство опрошенных (71,8%) считает, что оба языка – сербский и церковнославянский – останутся в богослужебном употреблении, а 24,6% думают, что церковнославянский постепенно выйдет из употребления. И, наконец, интересно проследить рекомендации верующих для проведения дальнейшей языковой политики в данной области. На вопрос о том, надо ли перевести весь корпус богослужебных книг на сербский язык, подавляющее большинство респондентов (69,2%) выбрало отрицательный ответ, вероятно, опасаясь, что это автоматически повлекло бы за собой переход на современный язык. Более приемлемым им кажется издание книг с параллельными текстами на обоих языках (78,2%). Систематическое изучение церковнославянского языка поддерживает 47,2% респондентов.

6. 2. В социолингвистике выявлена закономерность прямой зависимости взглядов на язык от отношения к нему общественных, политических, культурных и других авторитетов (Baker 1992, 105-110). Разумеется, в вопросе о богослужебном языке решающую роль должны сыграть архиереи Церкви, учитывая согласованность критериев языковой политики с ее пастырскими и миссионерскими интересами сегодня и в обозримом будущем. Однако, поскольку речь идет и об одном из основополагающих элементов национальной и культурной идентичности сербского народа, свой вклад в

дальнейшее решение этого вопроса должны вносить и видные деятели и учреждения сербской национальной культуры. Именно славистика, на наш взгляд, призвана выработать основные принципы языковой политики в данной области. И филологи, и архиереи Церкви вполне согласны в одном: радикальный отказ от традиционного богослужебного языка или его стихийное исчезновение повлекли бы за собой обнищание полноты сербской национальной культуры и сужение культурной и церковной идентичности сербского народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бајић, Р. (2007), Богослужбени језик у Српској православној цркви: прошлост, савремено стање, перспективе. Београд.
- Бодуен де Куртене, Ј. (1988), Лингвистички списи. Нови Сад.
- Вукашиновић, В. (2012), Српско богослужење. Студије из литургијске теологије и праксе код Срба. Врњци - Требиње.
- Грданички, Д. (1963), О употреби српског језика у нашем богослужењу. In: Гласник СПЦ. XLIV/ 7. 259-264.
- Катић, Д. (1921), Народна црква са гледишта народних потреба. Јагодина.
- Кончаревић, К. (2006), Језик и православна духовност. Студије из лингвистике и теологије језика. Крагујевац.
- Кујунџић, М. (1887), Писмо Високопреосвештену Архиепископу Београдском и Митрополиту Србије Министра Просвете и Црквених послова Мил. Кујунџића. In: Просветни гласник. VIII/ 11, 418-419.
- Новаковић, С. (1889), Језик старе српске цркве. In: Хришћански весник. XI/2, 84-100.
- Поповић, Ј. (1978), О овом преводу светих Литургија. In: Божанствене Литургије. Београд, 1978, 224-232.
- Радосављевић, А. (1987), Новији богослужбени преводи код нас. In: Богословље. LI/2, 107-116.
- Слијепчевић, Ђ. (1991), Историја Српске Православне Цркве, т. 2. Београд.
- Трбојевић, П. (1931), О реформама црквеним. Сремска Митровица.
- Убипариповић, С. (2010), Литургијски допринос епископа бачког др Иринеја Ђирића српској теологији XX века. In: Шијаковић, Б. (ред.), Српска теологија у XX веку, књ. 5. Београд, 111-124.
- Чонић, Д. (1927), Народни језик у православној српској Цркви. In: Весник Српске Цркве. XXXII/3, 384-393.
- Baker, C. (1992), Attitudes and Language. Clevedon.

ИСТОЧНИКИ

- Бабић, С. (2011), Христе, мој животу. Преподобна Стефанида Скадарска и Битољска. Подгорица.
- Божанствена Литургија (1986), Божанствена Литургија Светога оца нашега Јована Златоуста, In: Службеник. Превод Комисије САС СПЦ. Београд.
- Велимировић, Н. (1978), Сабрана дела, књ. 11. Диселдорф.
- Драгојловић, П. (2005), Акатист светом Петру Цетињском чудотворцу. Цетиње.
- Поповић, Ј. (1922), Божанствена Литургија Светога оца нашега Јована Златоуста. Прев. Ј. Поповић. Београд.
- Поповић, Ј. (1979), Божанствене Литургије. Прев. Ј. Поповић. Београд.
- Поповић, Ј. (1982), Мали молитвеник. Прев. Ј. Поповић. Ваљево.
- Поповић, Ј. (1999), Акатист свим светим Србима, In: Сабрана дела, књ. 5. Београд, 379-393.
- Радовић, А. (1989), Преподобни Рафаило Банатски исцелитељ: житије, служба, акатист. Вршац.
- Ђирић, И. (1942), Недеља свете Педесетнице. Празничне службе. Прев. И. Ђирић. Ујвидек.
- Чарнић, Е. (1976), Чин свештене и божанствене Литургије св. Јована Златоуста. Прев. Е. Чарнић. Диселдорф.
- Чарнић, Е. (1986), Часослов. Прев. Е. Чарнић. Крагујевац.

